



УДК 908

**ВНЕДРЕНИЕ Е.А. ГОЛОВИНЫМИ ИНСТИТУТОВ РОССИЙСКОЙ
АДМИНИСТРАЦИИ В ЧЕЧНЕ И ДАГЕСТАНЕ. РУКОВОДСТВО
ВОЕННЫМИ ОПЕРАЦИЯМИ В 1839–1842 ГГ.**

Аннотация: в статье описаны события в Чечне и Дагестане в 1838–1842 гг. Автор описывает политику властей в отношении местного населения. Отмечены заслуги Е.А. Головина как командира Отдельным Кавказским корпусом.

Ключевые слова: Кавказская война, мюридизм, Отдельный Кавказский корпус, Чечня, Дагестан.

Kondusov V.S.,
postgraduate, Kuban state
agricultural university

**IMPLEMENTATION OF EA GOLOVIN RUSSIAN ADMINISTRATION
INSTITUTIONS IN CHECHNYA AND DAGESTAN. LEADERS OF
MILITARY OPERATIONS IN THE 1839–1842 BIENNIUM**

Summary: the article describes the events in Chechnya and Dagestan in 1838–1842 gg. The author describes the policy of the authorities against the local population. Paying tribute to EA Golovin as the commander of a separate Caucasian Corps.

Keywords: Caucasian war, Muridism, Separate Caucasian Corps, Chechnya and Dagestan.

Военно-политическим достижениям имама Шамиля на Северо-Восточном Кавказе Санкт-Петербург решил противопоставить военный опыт генерала Е.А. Головина, имевшего за плечами целый ряд успешных войн. Поэтому новому командующему была поставлена задача военно-политического наступления против отрядов имама.

Уже 25 апреля 1838 г. Е.А. Головин сообщал военному министру, что «Шамиль деятельно занимается распространением прежнего своего шариата, посылая приверженцев своих к разным Дагестанским обществам», причем «некоторые из сих обществ собираются для совещания и готовятся к враждебным против нас действиям, при появлении наших войск в Дагестане» [1]. Генерал Головин надеялся сделать доступным стратегически важный в противостоянии с Шамилем центр Аварского ханства Хунзах путем прокладки туда дороги со стороны Кахетии [2]. Для этого важно было перетянуть на российскую сторону местных жителей, находившихся в политически расколоте состоянии.

Поначалу действия Е.А. Головина ограничились устройством военных поселений по Военно-Грузинской дороге, учреждением по правому берегу Терека кордонной линии от Владикавказа до Моздока. Однако вскоре начались и военные столкновения. Поводом для обострения взаимоотношений с «вольными обществами» стало возвращение в июле 1838 г. в Аварию из Кубинской экспедиции войск под командованием генерала К.К. Фезе, которые были сосредоточены близ Караты. Им на помощь пришел

Ахмет-хан Мехтулинский с отрядом в 1200 горцев. В противостоянии с «вольными обществами» и российским командованием летом 1838 г. бекская знать демонстрировала свою преданность интересам России. Против этих сил Шамиль выставил до 6 тыс. бойцов [3]. В ожесточенных боях 7–8 августа русские войска нанесли поражение ополчению мюридов.

Тем не менее поражение в Карате не привело к ослаблению Шамиля. Важнейшей задачей Головина в это время стал разгром крепости Ахульго, где по данным лазутчиков находилась резиденция имама. В рапорте военному министру от 15 декабря 1838 г. он выделял «вольные общества» Дагестана как основную базу мюридизма. В наступающем 1839 г., по мысли Головина, главными военными действиями в Дагестане должны были стать захват Чирката, возведение в нем укрепления и штурм замка Шамиля в ауле Ахульго [4]. Головин предлагал устроить дороги по шести направлениям в Дагестане, снабдить их гарнизонами и посылать по ним воинские отряды для содержания населения «в повиновении».

Однако эти меры император признал «неудобными к исполнению, а в некотором отношении даже вредными». Он посчитал достаточным «заняться на первый случай проложением только необходимых путей сообщений по Дагестану и устройством укреплений в немногих пунктах, самых важнейших по влиянию» [5]. Николай I потребовал «не вводить ничего противного местным законам и обычаям, не требуя и не учреждая иной дани, кроме той, которая в различных обществах существовала до их покорения или изъявления покорности и отнюдь не обременяя жителей никакими незаконными и излишними требованиями» [6]. В данном случае император оказался гуманнее своего генерала, осадил воинский пыл Е.А. Головина и преподал ему заставивший задуматься урок.

Весной 1839 г. были предприняты наступательные действия двух отрядов. Главный, Самурский, отряд под командованием корпусного командира предназначался для действий против «вольных обществ», другой, Чеченский отряд, под начальством генерал-лейтенанта П.Х. Граббе – против Шамиля. Войска генерала Головина 29 мая к урочищу Аджиахурскому, «по важности своей, – писал Е.А. Головин в «Военном журнале о действиях главного отряда в Южном Дагестане», – как главнейший оплот, на который лезгины полагали все свои надежды» [7]. 30 мая «передовые толпы неприятеля тщетно думали выстрелами удержать быстрое движение наших войск, конница понеслась прямо на них, егеря взбирались на высоты, не обращая внимания на выстрелы, третий батальон графского полка, высланный бароном Врангелем вперед под команду подполковника Ясинского, взобрался под выстрелами неприятеля на оконечность второго отрога. Неприятель, теснимый со всех сторон на левом нашем фланге, отступал поспешно» [8]. Разгромив горцев на Аджиахурских высотах и заняв селение Ахты, Головин готовился двигаться дальше. Но лезгинские общества покорились и присягнули на верноподданство. «Покорность и раскаяние их были, по-видимому, непритворными, – писал Е.А. Головин, – и я от высокомонаршего имени даровал им пощаду» [9]. После штурма Аджиахурских высот разжалованным Зеблицким была сложена солдатская песня, в которой были такие слова: «С нами слава и победы верный сын, / И отец, и командир наш Головин. / Мы не рекруты, родимый! / Ах не раз / Трепетал уж перед нами весь Кавказ» [10].

Между тем Чеченский отряд генерала П.Х. Граббе осадил Ахульго. Осада длилась 80 дней и стоила жизнью 150 офицерам и 2191 солдату [11]. После кровопролитного штурма Ахульго был взят, но Шамилю в последний момент удалось с несколькими оставшимися в живых защитниками бежать в Чечню.

Наряду с военными планами Е.А. Головин отводил важное место внедрению в тайповой Чечне и «вольных обществах» Дагестана российской военно-административной системы. Еще в 1838 г. он обратился с воззванием «к ханам, бекам, кадиям, муллам и всему народу в Дагестане». В воззвании говорилось: «Приняв от руки могущественного Государя Всероссийского жезл управления обширными странами, между Черным и Каспийским морями лежащими, я принял на себя вместе и великое дело исполнения священной воли Е.И.В., – воли, единственно к благу и счастью верноподданных Его Устремлений. Веления Его суть: Да, при помощи Всевышнего, мир и благоденствие водворятся среди подвластных Ему народов» [12].

С ликвидацией А.П. Ермоловым системы ханств в Южном Дагестане русские власти потеряли ненадежную, но все же единственную свою опору в Дагестане. По мнению Я.А. Гордина, была взорвана традиционная система баланса сил, и «вместо самодержавных квазигосударств, по характеру власти

родственных самодержавной России и потому психологически понятных русскому генералитету, командование Кавказского корпуса оказалось лицом к лицу с вольными горскими обществами, жившими по совершенно иным законам и готовыми к ожесточенному сопротивлению» [13]. Именно вольные горские общества, будучи военно-демократическими образованиями и не имея противовеса в виде ханств, стали опорой имамов Кази-Муллы и Шамиля. Как и Ермолов, вожди мюридизма стремились ликвидировать институт ханской власти, который мешал слиянию народов Чечни и Дагестана в единую вооруженную общность, способную противостоять Российской империи.

К достоинствам Е.А. Головина можно отнести то обстоятельство, что корпусный командир осознал пагубность политики ликвидации ханств, естественных союзников России в борьбе с мюридизмом. Он отмечал, что ханская власть способствовала удержанию спокойствия среди населения [14].

Таким образом, военно-административная деятельность Е.А. Головина на Северо-Восточном Кавказе иллюстрирует, как постепенно менялась политика российских властей по отношению к местному населению от силового варианта к иным, в том числе, переговорным средствам.

В 1838–1842 гг. на Северо-Восточном Кавказе Е.А. Головин не раз демонстрировал глубокое знание оперативной обстановки, таланты военачальника и умелого администратора, противостоял корыстным амбициям отдельных военачальников, жаждущих славы и сиюминутных успехов в ущерб государственным интересам России. Он хорошо изучил особенности общественной и политической жизни дагестанских народов и чеченцев, уловил серьезные изменения в развитии мюридизма от отдельных выступлений к попыткам создания военно-теократического исламского государства. По мере узнавания мира горцев главнокомандующий проявил стремление к поискам иных, менее драматичных решений кавказского вопроса, открыл своим преемникам перспективы движения России и народов Чечни и Дагестана навстречу друг другу.

Список использованной литературы и источников:

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т. IX. № 279. С. 313.
2. Там же.
3. Блиев М.М. Россия и горцы большого Кавказа на пути к цивилизации. М., 2004. С. 351.
4. АКАК. Т. IX. № 245. С. 233.
5. Там же. № 246. С. 237.
6. Там же. С. 237–238.
7. Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля / сост. В.Г. Гаджиев, Ю.У. Дадаев, Х.Х. Рамазанов. М., 2005. № 137. С. 189.
8. Там же. С. 189.
9. Там же. С. 193.
10. Генерал от инфантерии Евгений Александрович Головин // Кавказцы или подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе / под ред. С. Новосёлова. СПб., 1859. Вып. 37–47. С. 101.
11. Юров А. Три года на Кавказе. 1837 – 1839 // Кавказский сборник. Тифлис, 1885. Т. IX. С. 83.
12. АКАК. Т. IX. № 275. С. 307.
13. Гордин Я.А. Ермолов. М., 2012. С. 456.
14. Российский государственный исторический архив. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 93. Л. 41 об.